

УДК 93/94

О борьбе с искривлениями социалистической законности в ходе коллективизации и раскулачивания в советской деревне в 1930 г.

И.В. Ефремов

Братский государственный университет, ул. Макаренко, 40, Братск, Россия
ivefremov@bk.ru

Статья поступила 10.05.2022, принята 29.05.2022

В статье проанализированы многочисленные факты нарушения законности, допущенные низовыми работниками во время коллективизации сельского хозяйства, рассмотрены меры, предпринимаемые партийными и советскими органами в деревне для борьбы с искривлениями линии партии на местах, после опубликования знаменитой статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения» в газете «Правда» 02 марта 1930 г. Автор указывает на то, что и выход самой статьи и указанные меры стали следствием нарастания сопротивления деревни беззаконию, повсеместно осуществлявшемуся в ходе колхозного строительства и раскулачивания.

Ключевые слова: коллективизация; деревня; раскулачивание; законность; колхоз; партийная линия, крестьянские хозяйства; искривления.

On the fight against distortions of socialist legality in the course of collectivization and dispossession in the Soviet countryside in 1930

I.V. Efremov

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia
ivefremov@bk.ru

Received 10.05.2022, accepted 29.05.2022

The article analyzes numerous facts of violation of the law committed by grass-roots workers during the collectivization of agriculture, considers the measures taken by the party and Soviet bodies in the countryside to combat the distortions of the party line in the field, after the publication of the famous article by I.V. Stalin "Dizziness from success. On the Issues of the Collective Farm Movement" in the newspaper "Pravda" on March 02, 1930. The author points out that both the publication of the article itself and the indicated measures were the result of the growing resistance of the village to lawlessness, which was carried out everywhere in the course of collective farm construction and dispossession.

Key words: collectivization, village; dispossession, legality, collective farm, party line, peasant farms, curvature.

В начале 1930 г. большевики вновь столкнулись с угрозой полномасштабной гражданской войны. Главным ее отличием от войны, проходившей десятилетием ранее, являлось то, что конфликт разгорался не по линии противостояния эфемерных буржуазии и пролетариата, а по линии города и деревни. Причем недовольство политикой большевиков зачастую выражала вся деревня, исключая незначительное количество сельской бедноты и активистов. 2 марта 1930 г. в нашумевшей статье «Головокружение от успехов», вышедшей в газете «Правда», И.В. Сталин всю вину за создающуюся ситуацию возложил на плечи местных партийных и советских работников, названных «левыми загибщиками» [1, с. 119]. Данная мера на время вне-

сла успокоение в крестьянские массы и позволила большевикам перевести дух. При этом вождем непрерывно поступали сведения как о злоупотреблениях в отношении крестьянства, допущенных в ходе коллективизации сельского хозяйства, так и об ответных действиях крестьян, выразившихся в вооруженных выступлениях, убийствах сельских активистов, актах саботажа. Так, например, в совершенно секретном письме Г.Г. Ягоды И.В. Сталину с приложением справки ОГПУ о перегибах в ходе коллективизации и раскулачивания от 7 марта 1930 г. сообщается о том, что наличие чуждых, неустойчивых и разложившихся элементов в низовом соаппарате обуславливает непрекращающиеся искривления процесса коллективиза-

ции и раскулачивания по всем районам и округам страны. При этом наиболее распространенным видом извращения (так в документе) является практически повсеместное подведение середняков, бедняков и даже батраков и семей красноармейцев под категорию раскулачиваемых и выселяемых. Обращается пристальное внимание на факты дележки изъятого кулацкого имущества, его продажу с торгов за бесценок крестьянам-единоличникам, а также хищения.

В частности в селе Казаково Новосибирского округа посреди ночи выселили середнячку, у которой было восемь детей.

В Топкинском районе Кузнецкого округа в числе раскулаченных без согласования с районным исполнительным комитетом нескольких десятков крестьянских хозяйств оказалось 10 середняцких хозяйств.

В Климовском сельсовете Вожегодского района Вологодского округа в результате махинаций с единым сельскохозяйственным налогом многие середняцкие хозяйства были целенаправленно переведены в разряд кулацких, а после этого ликвидированы.

В селе Косырки Козельского района Сухиничского округа вследствие ареста трех середняков и одного бедняка произошло массовое крестьянское выступление.

В Смоленском округе низовые партийно-советские работники Момогайловского сельсовета Кардымовского района обложили индивидуальным налогом часть середняков и бедняков, описав у них все имущество и большую часть продовольствия. Под угрозой оружия забирали скот, хозяйственный инвентарь, одежду и белье у взрослых и детей.

В Елецком округе Центрально-Черноземной области секретарь ячейки ВЛКСМ с группой молодежи явился в дом середняка, где избив его жену, забрал все вещи, некоторые из которых были попросту присвоены. При этом в Острогском округе той же области за выступление против коллективизации в Алексеевском районном административном отделе было арестовано 100 бедняков и середняков.

В селе Усть-Инза Лунинского района Средне-Волжского края в ходе раскулачивания кулака Имагулова его семья была в час ночи выселена из дома на мороз. В результате насмерть замерз новорожденный ребенок и получила обморожения большая сноха Имагулова.

В Ушачском районе Белоруссии председателем колхоза под угрозой применения оружия со стороны содействовавшего ему секретаря партийной местной партийной ячейки была изнасилована батрачка [2].

Это лишь малая часть ежедневно и практически повсеместно фиксировавшихся «перегибов». И.В. Сталин требовал незамедлительных мер по стабилизации ситуации в деревне, и как результат уже 10 марта 1930 г. ЦК ВКП (б) было издано постановление о борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении. Указанный документ в числе прочего под личную ответственность секретарей районных, окружных и краевых комитетов обязывал партийные организации незамедлительно прекратить любые формы принуждения в вопросах связанных с коллективизацией сельского хозяйства и не допускать репрессий в отношении крестьян, не желающих вступать в колхозы. Кроме того, партийным работникам предписывалось по требованию колхозников вернуть в единоличное пользование обобществленный крупный и мелкий скот, приусадебные участки, птицу и прочее. В случае, если в ходе проверки списков раскулаченных выявлялись «перегибы» в отношении бедняцко-средняцкой части деревни, членов семей красноармейцев и краснофлотцев (независимо от воинских званий), а также в отношении так называемых бывших красных партизан, им тоже следовало вернуть изъятое имущество.

Помимо возвращения имущества был сделан акцент и на восстановление избирательных прав у граждан, лишенных права голоса, а также на необходимость прекращения произвольного закрытия церквей. За издевательство над чувствами верующих людей постановление требовало привлекать виновных в данном деянии «к строжайшей ответственности» [3].

Обозначив эти требования партийным и советским работникам, руководство страны, безусловно, понимало, что у исполнителей на местах подобная непоследовательность вызовет не просто недоумение и негативную реакцию, но, возможно, даже неверное представление о сворачивании процесса коллективизации и прочие домыслы. Для того чтобы избежать этого, с руководителями всех уровней, проводилась активная разъяснительная работа.

В закрытом письме ЦК ВКП (б) «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии» от 02 апреля 1930 г. говорилось о необходимости закреплять достигнутые успехи и обеспечивать этим дальнейший рост колхозного движения. При этом отмечалась важность принципа добровольности, а также настойчивой разъяснительной и организационной работы в массах, а не погони за «процентами». Обращалось внимание на то, что партийные руководители вплоть до руководителей обкомов и крайкомов не спешат выполнять директивы партии о борьбе с искривлениями партийной линии, не

занимаются их разьяснением и заменой работников, дискредитировавших себя в глазах бедняков и середняков. Учитывая это, ЦК ВКП (б) в числе прочего обязывало крайкомы (обкомы) в трехдневный срок сообщить о проведенных ими практических мероприятиях по проведению директив партии по борьбе с искривлениями партийной линии в вопросах колхозного движения [4].

Определенный интерес представляет тот факт, что комплекс мер, направленных на борьбу с искривлениями и перегибами в ходе коллективизации, не в последнюю очередь затронул и Красную Армию. В служебной записке Г.Г. Ягоды руководящим работникам ОГПУ о мерах по предотвращению проникновения в РККА информации о положении в деревне, датированной 17 марта 1930 г., сообщалось о том, что в письмах и телеграммах, адресованных красноармейцам, упоминаются безобразные перегибы в отношении членов их семей. В качестве меры реагирования на подобное положение дел в документе указывалось требование увеличить конфискацию писем и усилить работу по выявлению кулаков среди крестьянских ходоков, а подвергнутых незаконному раскулачиванию бедняков и середняков после проведения с ними разьяснительной работы отправлять назад, сообщив при этом о данном факте в ОГПУ с целью принятия скорейших мер к выяснению причин произошедшего и исправления ситуации. При этом об исправлении неправильных действий местных властей надлежало в кратчайшие сроки сообщать в Красную Армию, а за любые проволочки сурово наказывать [5].

Изменение политики в деревне, безусловно, нашло свое отражение во всей правоприменительной практике страны и в судебной практике, в частности. Так в директивном письме Верховного суда РСФСР «О судебной политике по делам о террористических актах и контрреволюционной агитации», датированном 18 марта 1930 г., ярко прослеживается курс на борьбу с искривлениями партийной линии в судебной системе. По итогам кассационной и надзорной работы по контрреволюционным делам в числе наиболее вопиющих проявлений «Головокружения от успехов» в документе упоминается легкомысленное назначение судами высшей меры наказания по делам, где подсудимым вменялось в вину лишь недовольство коллективизацией сельского хозяйства (без каких бы то ни было активных действий и тяжких последствий), отказ в удовлетворении основополагающих, с точки зрения советского права, ходатайств подсудимых, фактическое отсутствие судебного следствия по контрреволюционным делам и многое другое. При этом, как отмечается, в ряде случаев осужденные относились к бедняцко-середняцкой части деревни, а конкретные улики

против них в судебных материалах нередко подменялись общими рассуждениями об их антисоветском настроении.

Отдельно упоминается тот факт, что упрощенный порядок рассмотрения судебных дел зачастую осуществлялся по делам, политическая составляющая и фактическое содержание которых были не ясны и требовали тщательного анализа. Кроме того, обращается внимание на то, что по многим важным уголовным делам судебное следствие велось с явным обвинительным уклоном и сводилось лишь к заслушиванию объяснений подсудимых, отрицавших свою вину в инкриминируемых им преступлениях. В некоторых случаях данное объяснение дополнялось допросом свидетелей обвинения, объективность которых вызывает серьезные вопросы.

Что особенно важно, как отмечает Верховный суд РСФСР, кассационные инстанции по многим уголовным делам, связанным с обвинением в контрреволюционной деятельности не только не пресекали подобные методы работы, но и в некоторых случаях сами к ним подталкивали суды первой инстанции.

После детального анализа целого ряда уголовных дел Верховный суд, установив, что осужденные по ним не представляют серьезной социальной опасности или совершили преступление на бытовой почве, а не на почве классовой борьбы. Полагая, что судебные ошибки по этим делам имеют в большей части характер политических ошибок, высшую меру наказания по таким делам заменили лишением свободы либо иными мерами социальной защиты.

Обязав проработать директивное письмо на пленумах краевых, областных и главных судов, Верховный суд указал, что в случае, если искривления руководящих директив партии и правительства продолжатся, за этим последует персональная ответственность не только председателей по конкретным делам, но и председателей судов, а также председателей кассационных инстанций [6. С.389-392].

Документы свидетельствуют, что кампания по борьбе с перегибами достаточно быстро набрала обороты, а наиболее активные и одиозные «перегибщики» повсеместно сами стали попадать на скамью подсудимых. В секретной информационной сводке Сибирского краевого суда о перегибах в ходе коллективизации, датированной 1 апреля 1930 г., сообщается о многочисленных фактах, когда в отношении таковых выносились приговоры вплоть до расстрела.

Так, например, в поселке Черновом Бийского округа заместитель председателя сельсовета по фамилии Недобитков совместно председателем молочной артели Гуськовым, середняком Колес-

никовым и кулаком Немцевым, вооружившись охотничьими ружьями, произвели у бедняков и середняков 30 обысков, в ходе которых отнимали скатерти, шали, полотенца и т.д. Изъятые пиво и вино они прямо на месте распивали. В отдельных случаях, требуя выдачи ценностей, угрожали арестом. Как результат, Гуськов и Немцев были приговорены к расстрелу, а остальные участники указанных незаконных действий к пятилетнему лишению свободы каждый.

В селах Старо-Бардинского района того же Бийского округа, командированный уполномоченным районного исполнительного комитета по коллективизации и ликвидации кулачества как класса некто Широков (на суде он сообщил, что настоящая его фамилия Демин) добивался стопроцентной коллективизации угрозами ссылки в Нарым и расстрелов. За указанные действия он был приговорен к расстрелу.

В селе Благовещенке Мариинского района Томского округа за незаконное подведение середняцкого хозяйства под кулацкое, присвоение изъятого у кулаков и середняков имущества и другие преступления ряд ответственных работников сельсовета приговорены к различным видам наказания – от принудительных работ до пяти лет лишения свободы включительно.

Что интересно, наказанию подвергались не только за нарушения социалистической законности в отношении бедняков и середняков, но и за аналогичные деяния совершенные в отношении кулачества. Так в Хакасии милиционер Бурушкин, уполномоченный Черковского районного исполнительного комитета Иванов и агроном Кропачев съели изъятое у кулаков Аевых масло и варенье. У кулачки Аевой они забрали шубу и золотое кольцо, а саму ее пять часов продержали в холодной комнате. Итогом этого стало двухгодичное лишение

свободы для Бурушкина и по пять лет лишения свободы для Кропачева и Иванова [7].

Все перечисленные факты свидетельствуют о том, что недовольство деревни политикой большевиков, спровоцированное в 1929-1930 гг. беззаконием местных властей, всерьез обеспокоило руководство страны. И.В. Сталину было важно, не меняя общий курс страны на коллективизацию сельского хозяйства, снизить градус социального напряжения в крестьянской среде. После того как те партийные и советские работники, которые в погоне за высокими процентами коллективизированных хозяйств совершали наиболее вопиющие нарушения социалистической законности, были названы вождем «левыми загибщиками», по всей стране развернулась кампания по привлечению их к уголовной и иным видам ответственности. В секретных документах того времени в качестве меры наказания для тех из них, кто в наибольшей степени провинился в отношении беднякосо-средняцкой части деревни достаточно часто фигурируют длительные тюремные сроки и даже высшая мера социальной защиты. Параллельно этому в 1930 г. шел активный процесс пересмотра судебных дел, в которых обвиняемыми в контрреволюционной деятельности фигурировали те же бедняки и середняки, выразившие нежелание вступать в колхозы. Помимо отмены или смягчения приговоров им возвращалась незаконно обобществленная в ходе коллективизации собственность, мелкий и крупный скот, сельскохозяйственная техника. Все это, безусловно, способствовало снижению напряженности в отношениях большевиков и деревни и позволило руководству страны, собравшись с силами, уже в 1931 г. вновь перейти в наступление на крестьянство.

Литература

1. Трапезников С. Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки. М.: Госполитиздат, 1951. 263 с.
2. Письмо Г.Г. Ягоды И.В. Сталину с приложением справки ОГПУ о перегибах в ходе коллективизации и раскулачивания // Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 40. Л. 6-17.
3. Постановление ЦК ВКП (б) о борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении // Рос. гос. архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 779. Л. 18-20.
4. О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии: закрытое письмо ЦК ВКП (б) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 781. Л. 22-23.
5. Служебная записка Г.Г. Ягоды руководящим работникам ОГПУ о мерах по предотвращению проникновения в Красную Армию сведений о положении в деревне // Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 22. Л. 5-6.
6. Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР. 2-е изд. М., 1931. 564 с.
7. Информационная сводка Сибирского краевого суда о перегибах в ходе коллективизации // Гос. архив Новосибирской обл. Ф. 1027. Оп. 6. Д. 15. Л. 19-26.